

« ГРУППА АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

*ОРАНЖЕВАЯ
РУБАШКА
СМЕРТНИКА*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Оранжевая рубашка смертника / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.— (Спецназ. Группа Антитеррор).

ISBN 978-5-04-093223-8

В центре Дамаска взорван автомобиль. Случайным свидетелем теракта оказался капитан спецназа ГРУ Борис Котов. В его руки попала сумка одного из сообщников террористов с уликами, изобличающими секретный центр боевиков. Группа спецназовцев отправляется в рейд, чтобы ликвидировать центр. В результате жестокого боя Котов попадает в плен к террористам, где среди прочих содержится сирийский адмирал. Именно от него зависит судьба мирных переговоров в регионе. Вырвать его из лап убийц становится для Котова вопросом жизни и смерти.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-093223-8

Глава 1

Средиземноморское побережье Турции.

Курорт Белек

В 40 километрах на восток от города Анталия по побережью протянулись пляжи элитного турецкого курорта Белек. Двадцать километров самых дорогих отелей и вилл, чистых песчаных пляжей, лазурного моря, тенистых сосновых и эвкалиптовых рощ, высаженных почти два столетия назад. Состоятельных людей сюда привлекал целебный воздух, напитанный незабываемым ароматом сосновых рощ, и высококачественный уровень обслуживания. Каждый отель был уникален по своей архитектуре, каждый располагал огромными бассейнами, SPA-центрами и фруктовыми садами.

Расположенный на территории национального заповедника, курорт предлагал изумительные верховые прогулки к водопаду Манавгат и по парку Каньон Кеprüлю. Сюда съезжались любители рафтинга, парасейлинга¹, других водных

¹ Рафтинг — спортивный сплав по горным рекам и искусственным гребным каналам на многоместных надувных судах (рафтах). Парасейлинг — это полет на парашюте (парасейле) за катером.

видов спорта. Но самое главное, курорт имел отличные поля для гольфа, которые проектировали лучшие дизайнеры Европы. Сегодня Белек считается самым популярным гольф-центром мира. Или считался.

Почти пустынные пляжи, стопки белых пластиковых лежаков, пустынные дорожки вокруг бассейнов отелей. На одном из шести кортов двое пожилых шведов неумело играли в теннис, то и дело попадая мячом в сетку. Трое мужчин расположились у бассейна в плетеных креслах под цветными тентами и молча наблюдали, как официант расставляет на столике коктейли и вазы с фруктами. Даже он, вымуштрованный, как и весь персонал отеля, выглядел каким-то одиноким и унылым. Сделав обязательный полупоклон-полукивок головой, официант покатил по дорожке свою тележку в другую часть территории, где две зрелые дамы лениво плескались у бортика бассейна.

Двое из мужчин в креслах имели типичные европейские лица, а третий выделялся среди них чуть смуглой кожей и характерными арабскими чертами. По-английски он говорил бегло и чисто, но больше, как казалось, мужчина с арабскими чертами предпочитал молчать. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что его

собеседниками были специальный представитель ЦРУ в Ближневосточном регионе бригадный генерал Алан Фердисон и сотрудник внешнеполитического ведомства США Джордж Бартон. То и дело поправляя очки в тонкой оправе на худом интеллигентном лице, Бартон делал внушение своим собеседникам с видом терпеливого и мудрого учителя колледжа.

— Ваше ведомство, генерал, — пристально глядя на Фердисона, говорил он, — в лице комитета начальников штабов, и ваше порождение, в лице генерального секретариата НАТО, действуют, увы, как на танковом полигоне. А это политика, это область тонких инструментов и чувствительных рук хирурга. Это же все очень откровенно.

— Перестаньте, Джордж, — усмехнулся генерал. — Вы определяли стратегию, а не мы. Вам нужны были нефтеносные районы и полный контроль над ними, вам нужны были лояльные правительства и преданные режимы. А наше дело — вскинуть руку под козырек и сделать всю грязную работу. Мы вам давали информацию, вы принимали решения и докладывали в «Овальный кабинет»¹.

¹ Овальны́й кабинет (*англ.* Oval Office) — имеется в виду рабочий кабинет президента США в Белом доме.

— Стратегию разрабатывали мы, — терпеливо ответил Бартон, разглядывая скуластое загорелое лицо генерала, — но ошибки в оперативной информации, ошибки в оценке последствий делали не мы.

— Ситуация меняется постоянно, и со скоростью сверхзвукового самолета, — упрямо возразил генерал. — Невозможно просчитывать шаги участников кризиса на столько шагов вперед, как бы вам этого хотелось. Никто не верил, что Россия решится на применение своих воздушных сил в Сирии. Да, их президент явно не хотел отдавать Сирию вам, политические волки. Но что он делает это столь решительно... А вы настаивали. Настаивали, несмотря на то что Россия в 2008 году в Грузии показала, что не боится уже никого.

— Господа, — неожиданно подал голос араб, почти не отрываясь от соломинки, торчавшей из стакана с коктейлем, — увольте меня от ваших споров. Вы это могли сделать и раньше, до того, как вызовете меня сюда.

Бартон открыл было рот, но промолчал, лишь недовольно потер вспотевшую переносицу. Фердисон взял со стола пачку с сигаретами и поднес к носу, вдыхая запах.

— М-да, — наконец произнес генерал и выудил двумя пальцами из пачки сигарету. — Ша-

луб, собственно, прав. Сейчас обсуждать эти вопросы просто бессмысленно, поскольку решение принято опять же в Белом доме. Скажите, Ахмед, действительно моральный и боевой дух вооруженного ополчения сейчас настолько слаб, как это пытаются показать русские в средствах массовой информации?

— Не может боевой дух ослабнуть у тех, кто сражается за веру, — жестко ответил араб.

— Я вас умоляю, — пробормотал Бартон и принялся наливать себе в бокал сок.

— Я имею в виду фанатиков, — спокойно ответил Шалуб. — Дезертируют наемники, которым не платят или платят с большой задержкой. Дезертируют те, кого загнали в ряды боевиков насильно или обманом.

— Вот видите, — кивнул Фердисон, — Ахмед все понимает, он в той среде варится. Это информация из первых рук. И он не фанатик, он объективен в своих оценках.

— Вы давно получили американское гражданство, Шалуб? — спросил вдруг дипломат.

— Я — гражданин по рождению. Гражданство заслужил еще мой отец. Вы не знали?

— Ахмед Шалуб имеет звание майора по нашему ведомству, — подсказал Фердисон. — Неужели вы думаете, что я привел бы сюда про-

стого агента-наемника? Итак, наша задача — сорвать Женевскую встречу.

— Совершенно точно, генерал. Поскольку коалиция и наши российские партнеры, как и их сирийские друзья, так и не сошлись во мнении, кого считать террористами, а кого борцами за свободу, мы должны остановиться на тех группировках в среде оппозиции, на которых может распространяться наше влияние. Или влияние наших политических союзников.

— Турции? — снова спросил араб со странной интонацией.

— Я вас умоляю, — снова усмехнулся дипломат. — Анкара играет свою роль, и играет ее прекрасно. Эрдоган даже переигрывает, но это нам на руку. Он увлекся и забыл свое место, но пока это не важно.

— Саудовская Аравия, Йемен, — затягиваясь сигаретой, заговорил Фердисон, — выбирайте любого спонсора. Важны не участники встречи в Женеве, важна причина, по которой они эту встречу покинут, как капризные подростки. Нужна хорошая диверсия.

— Наконец-то, — хмыкнул Шалуб, потягивая коктейль и глядя на голубую воду бассейна.

— Вы должны использовать ситуацию, — предложил дипломат, — чтобы сорвать переговоры по мирному урегулированию ситуации в Сирии и одновременно внести раскол в назревающие союзнические отношения между Францией и Россией. Белому дому очень не нравится, что у берегов Сирии торчит авианосец «Шарль де Голль», что с его палубы взлетают боевые самолеты, которые атакуют наземные цели без согласования с заинтересованными сторонами.

— Зачем вы допустили эти террористические акты в Париже? — спросил Шалуб. — Это было лишним. Европа и так трещит по швам из-за наплыва мигрантов отсюда и из Африки. Это вы здорово придумали. Вам бы еще стоит вложить в уста Оланда, а лучше госпожи Меркель слова, смысл которых сводился бы к тому, что русские бомбят, поэтому люди и бегут из Сирии, что тут гибнут тысячи и тысячи мирных граждан.

— Мы подумаем и об этом, — спокойно пообещал дипломат. — А сейчас я хотел бы обсудить основные положения будущей операции. Акция должна иметь далеко идущие последствия, всем должно стать понятно, что оппозиция Асаду не только в Латакии и Ракке, она есть и в Дамаске. И все эти плакаты с портретами Асада — не бо-

лее чем политика режима, а истинные патриоты сражаются.

— Да, это будут сирийцы, — пообещал Шалуб. — Мы с генералом решим, кого нам перебросить из лагерей в Ираке на запад Сирии. Однако, господа, я понимаю несчастного Эрдогана.

— Вы о чем, Ахмед? — спросил генерал.

— Я? — Шалуб поднялся, поставил стакан на столик и сбросил с плеч купальный халат, обнажив крепкое спортивное тело. — Я о том, что президент России пообещал, что Эрдоган не отделается только одними помидорами. Вы выбрали прекрасное место для конспиративной встречи, господа, — опустевший из-за ответных российских санкций турецкий курорт.

Он подошел к краю бассейна и нырнул, вытянув вперед руки. Его загорелое тело вошло в воду почти без всплеска. Бартон откашлялся и слегка недовольным тоном заявил:

— Я, конечно, понимаю, что этот ваш агент мастер своего дела.

— Да, красиво он вошел в воду, — усмехнулся Фердисон, бросая окурочек в пепельницу.

— О, господи, да я же совсем не об этом, генерал! — раздраженно отозвался дипломат.

*Сирия, провинция Латакия. Аэродром
«Хмеймим». База российских военно-
космических сил*

Полковник Сидорин в песочного цвета летнем обмундировании стоял возле экрана с указкой и комментировал изображение. В отдельном модуле штаба, отведенном военной разведке, шла речь об одном из командиров повстанческих оппозиционных отрядов Гиясе Турае, прославившемся тем, что он часто самолично казнил заложников, пленных. И делал это всегда на камеру, глумливо позируя чувством безнаказанности. В средствах массовой информации многих стран Гияса Турая стали называть Гияс-Палач.

Капитан Котов смотрел на экран, где одетый в черное Гияс Турай разглагольствовал о том, что продажные европейские и американские политики и толстосумы вынуждают его делать то, что он делает — вести непримиримую борьбу за свою родину. А заодно они вынуждают его резать головы заложникам, демонстрируя этим свою преданность воле Всевышнего.

Взмах ножа, и тело, одетое в оранжевый балахон, падает к ногам палача, кровь толчками бьет из распоротой артерии на шею. Это уже восьмой кадр, который демонстрировал командирам своих

оперативных групп полковник Сидорин. Майор Стрельников курил и шурился, глядя на сцены убийства. Капитан Белобородов чуть постукивал пальцами по крышке стола. Выглядело это нетерпеливым жестом офицера, который только и ждет команды броситься на поиски этого вурдалака.

— Прошу обратить внимание, — говорил полковник, — на постановку его руки во время нанесения смертельной раны.

— Левша, — констатировал Котов. — И еще у него какая-то травма локтевого сустава.

— Он весь какой-то травмированный, — проворчал Стрельников. — И шея у него плохо поворачивается.

— Молодцы, — похвалил Сидорин, — заметили. Скорее всего, это последствие ранения, полученного палачом два месяца назад, когда он попал под наши бомбы на одной из баз здесь, в Латакии.

— Я понимаю, Михаил Николаевич, — сказал Белобородов, — четкого изображения у нас нет, только в маске или размытые кадры фиговой съемки. Но, может, поймать парочку тех, кто его лично знал, да составить с ними фоторобот.

— Нет времени, мальчики, — покачал головой полковник. — Приказ получен ликвидировать его срочно. Но желательно взять живым и передать властям для справедливого правосудия.

— Если говорят «желательно», — вздохнул Котов, — то это следует воспринимать как приказ.

— Следует, — кивнул полковник и снова повернулся к экрану, на котором Турай был снят во время разговора с соратниками, затем запечатлен идущим с группой товарищей, потом идущий один. — Всмотритесь в эти кадры. Видите, как он чуть сутулится во время ходьбы. Так сутулятся очень высокие люди, но рост Турая не более ста восьмидесяти сантиметров. Причина в нарушении осанки, возможно, из-за занятия, связанного с долгим сидением за столом. Он был чиновником в сельскохозяйственном департаменте. Только потом, когда начались волнения, вдруг проявил свою гнусную натуру.

— Ну, понятно, — вздохнул Котов и подвинул к себе карту на столе. — Тогда я возьму со своими ребятами южную часть провинций Хама и Алеппо. Я здесь работал и знаю местность.

— Не думаешь, что Турай давно уже в самом городе? — спросил Белобородов, склоняясь к карте. — Если сейчас начнется наступление на севере Латакии и с юга перебросят сюда пару танковых батальонов, то Алеппо возьмут штурмом за неделю. Наш клиент, скорее всего, спрячется в городе.